

еженедельно по Субботамъ. Подписка принимается во всѣхъ Почтовыхъ Конторахъ Имперіи, въ С. П. и М. Почтовыхъ газетныхъ Экспедиціяхъ и въ С. П. Б., у книгопродавца Исакова.

Годовая цѣна: Въ Тифлисѣ 7 руб. серебромъ. Съ пересылкою и доставкой на домъ 7-60. Полугодовая: Съ пересылкою и доставкой на домъ 4 руб.

ВЫСОЧАЙШИЯ ГРАМОТЫ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИЙСКІЙ и проч., и проч., и проч.

1) Нашему Генералъ-Лейтенанту, Члену Совѣта Главнаго Управленія Закавказскаго Края, Реуту. Во вниманіе къ долговременной, полезной и усердной службѣ вашей, начальствомъ засвидѣтельствованной. Всемилостивѣйше жалуемъ васъ кавалеромъ ордена Св. равноапостольнаго Князя Владимира второй степени большаго креста, знаки коего, при семъ препровождая, повелеваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію.

Впрочемъ пребываемъ вамъ Императорскою Нашею милостію благосклонны.

2) Нашему Генералъ-Лейтенанту, Члену Совѣта Главнаго Управленія Закавказскаго Края, Князю Чечевадзе.

По засвидѣтельствуванію Намѣстника Кавказскаго объ отлично-усердной службѣ вашей и неутомимыхъ трудахъ, какъ по должности Члена Совѣта Главнаго Управленія Закавказскаго Края, такъ и по завѣдыванію почтовою въ этомъ краѣ частію. Всемилостивѣйше жалуемъ васъ кавалеромъ Императорскаго и Царскаго ордена Нашего Блгого Орла, знаки коего, при семъ препровождая, повелеваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію.

Впрочемъ пребываемъ вамъ благосклонны.

3) Нашему Генералъ-Маюру, Члену Совѣта Главнаго Управленія Закавказскаго Края, Жеребцову А.-му.

Въ ознаменованіе особеннаго благоволенія Нашего къ постоянно-усердной службѣ вашей, неутомимыхъ трудамъ и отличному исполненію обязанностей, возложенныхъ на васъ, какъ по званію Члена Совѣта Главнаго Управленія Закавказскаго Края и по завѣдыванію таможенною въ этомъ краѣ частію, такъ и по исправленію болѣе года должности Грузино-Имеретинскаго Гражданскаго Губернатора, Мы, согласно ходатайству Намѣстника Кавказскаго, Всемилостивѣйше жалуемъ васъ кавалеромъ Ордена Св. Анны первой степени, знаки коего, при семъ препровождая, повелеваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію.

Впрочемъ пребываемъ вамъ благосклонны.

Петергофъ. Юня 30-го дня 1846 года.

На подлинныхъ собственной Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ.»

НАВТЛУГЪ.

Спросите любаго изъ жителей Тифлиса, знаетъ-ли онъ Навтлугъ, и онъ, безъ всякаго сомнѣнія, приметъ вопросъ вашъ за шутку. И, въ самомъ дѣлѣ, кто изъ насъ ежедневно не видитъ огромныхъ Навтлугскихъ зданій, стройно возвышающихся по лѣвому берегу Куръ, надъ шумными и тѣсными Тифлисомъ? Кто не знаетъ, что зданія эти составляютъ предмѣстіе Тифлиса, заключаютъ въ себѣ Военный Госпиталь и Комиссаріатскую Комиссію; а маленькіе, красивые домики, ихъ окружающіе, вмѣщаютъ въ себѣ семейства лицъ, служащихъ въ этихъ вѣдомствахъ? Такъ же большая часть изъ насъ, посѣщая Навтлугъ, особенно лѣтомъ, замѣчаетъ ошутительную разницу въ воздухѣ, который, съ самаго Алабартскаго подъема, становится чище и свѣжѣе; но не смотря на то, смѣло могу васъ увѣрить, что вы не знаете Навтлуга, если не посѣщали его милого общества! Общество это, составленное изъ семействъ должностныхъ лицъ, отличается простотою, непринужденностію и чисто-русскимъ радушіемъ; только весьма не многие изъ членовъ этого общества посѣщаютъ гостиницы Тифлиса; но не менѣе того, вы встрѣтите на Навтлугскихъ вечерахъ нѣсколько дамъ, которыя по изяществу и свѣжести туалета, образованію и любезности — съдѣлали бы честь салону каждой столицы! О красотѣ ихъ не говорю — изъ опасенія проговориться. . . . Теперь, если вамъ угодно познакомиться ближе съ Навтлугскимъ обществомъ, то я съ особеннымъ удовольствіемъ введу васъ въ тѣсный кругъ его; изберемъ для того 23 Юля, день, въ который члены этого общества давали прощальный вечеръ его представителю, а вмѣстѣ съ тѣмъ и своему любимому начальнику, Генералъ-Маюру А. Н. Беричеву.

Мѣстомъ праздника былъ избранъ, и весьма удачно, небольшою, но красивый садъ Александра Николаевича Беричева, живописно расположенный по лѣвому берегу Куръ. Въ 8 часовъ вечера, тѣсныя виноградныя аллеи сада освѣтились тысячами разноцвѣтныхъ фонарей и шкаликовъ, развѣшенныхъ между густою и роскошною зеленью; а на деревянномъ помостѣ бесѣдки, освѣщенной виногра-

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ

КАВКАЗА.

Тифлисъ. 2-го Августа 1846 г. 26 числа прошедшаго Юля, происходило въ Тифлискомъ Анчисхатскомъ Соборѣ благодарственное Господу Богу молебствіе, по случаю всерадостнаго торжества благополучно совершившагося бракосочетанія Ея Императорскаго Высочества, Государыни Великой Княжны Ольги Николаевны съ Наслѣднимъ Принцемъ Виртембергскимъ, Карломъ-Фридрихомъ-Александромъ. По предварительномъ сношеніи съ мѣстными Гражданскимъ и Военнымъ Начальствами, и въ присутствіи всѣхъ ихъ, предъ Литургіею, которую совершалъ, соборитъ, за болѣзнію Высокопреосвященнаго Экзарха Грузинъ, Преосвященный Никифорій, Викарій Грузинскій, былъ прочитанъ Высочайшій Манифестъ. Торжественное благодарственное молебствіе происходило съ колѣнопреклоненіемъ, при звонѣ во всѣхъ соборныхъ и приходскихъ церквахъ города.

Усердныя молитвы вѣроподанныхъ о дарованіи прочнаго и неизблемаго благоденствія Высокиму Новообрачнымъ, вознеслись къ престолу Вышняго и здѣсь, на отдаленныхъ предѣлахъ помысленной Россіи.

Въ Тифлискомъ участкѣ, во время случившейся, въ ночь съ 16-го на 17-е число Юля, сильной грозы и необыкновенно-проливнаго, продолжительнаго дождя, — устроенные на большой почтовой дорогѣ, около селенія Кумисъ, два деревянные большіе моста, силою скопившейся воды, до основанія разрушены и снесены. Гроза эта и необыкновенно проливной дождь причинили жителямъ Кумисскимъ и другихъ селеній Тифлискаго участка значительныя потери въ скотѣ, птицѣ и хлѣбѣ.

Эривань. Жители Казахскаго участка, деревни Салаглы: Исмаилъ Маммадъ-Олы и Ибрагимъ-Усупъ-Олы, слѣдовашіе изъ Елисаветпольскаго уѣзда въ Эривань, по собственнымъ дѣламъ, — остановились на ночлегъ, на 9-е число Юля, въ усадьбѣ близъ деревни Яйджи, Гокчискаго участка. Ночью поднялась гроза, съ сильнымъ дождемъ и градомъ, и жители эти, необыкновенно-стремительнымъ стокомъ воды съ горъ, снесены съ мѣста гонимаго и нацѣны утопшими; съ ними вмѣстѣ унесены водою пять быковъ и одна лошадь.

дными лозами и ярко освѣщенной, съ вѣшной стороны, пирамидами изъ лампъ, уже носились десятки паръ въ вихрѣ вальса. Въ этотъ день слишкомъ сто персонъ собралось съ единодушнымъ желаніемъ поблагодарить искренно — любимаго начальника — за службу и дружбу, а въ числѣ ихъ были только три горюдскіе гостя; остальные принадлежали Навтлугскому обществу, колыбелью котораго былъ домъ Александра Николаевича: въ немъ оно возродилось, получило жизнь, душу и настоящую самостоятельность. Нужно ли послѣ этого прибавлять, что здѣсь веселились, какъ только веселятъ въ семейномъ кругу: — танецъ смѣнялся танцемъ, подъ звуки двухъ хоромъ музыки; въ маленькихъ аллеяхъ надъ Курою, освѣщенныхъ менѣе ярко нежели главная, хоръ русскихъ пѣсенниковъ пелъ ретивою воспоминаніемъ о милой родинѣ! Въ аллеяхъ этихъ мелькала, сквозя зелень вѣтвей, платья дамъ — искавшихъ минутнаго отдохновенія послѣ рѣзвой польки или бѣшенаго вальса и собиравшихъ новыя силы для безконечной мазурки; ночь была тиха и свѣжа — какъ красавица Востока: ея чистый, дышащій нѣжною воздухомъ, довершалъ очарованіе этого, въ полномъ смыслѣ, прекраснаго праздника.

Въ три часа сѣли за ужинъ — и по провозглашеніи тостовъ за здоровья ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, Князя Намѣстника и Военнаго Министра, былъ предложенъ тостъ за здоровье Генерала Беричева; громкое ура, неутолкавшее въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, служило вѣрнымъ отголоскомъ тѣхъ единодушныхъ чувствъ искренней любви и глубокаго уваженія, которыя Александръ Николаевичъ снискалъ себѣ въ продолженіи шестнадцати-лѣтней службы за-Кавказомъ и восьмилѣтняго управленія Тифлисскою Комиссаріатскою Комиссіею! Ура это возбудилось съ тою-же силою и единогласіемъ, когда пили здоровье его семейства.

Послѣ ужина привалилъ было снова за танцы, но первые лучи восходящаго солнца напомнили намъ, что 23 Юля 1846 года уже невозвратно и что остается лишь сохранить о немъ память, какъ объ одномъ изъ пріятнѣйшихъ дней, проведенныхъ на Навтлугѣ!

Скажите откровенно — знаете ли вы Навтлугъ?

Александрополь. 14-го числа минувшаго мѣсяца, послѣ обѣда, выпалъ въ Шурагельскомъ участкѣ сильный градъ, величиною въ куриное яйцо, шероховатой наружности, отъ котораго пострадали поля у жителей селеній: Артикъ, Кипчакъ, Бекантъ, Башкегъ, Каланджи и Дюскялъ.

Кизляръ. Въ ночь съ 18 на 19 Юля, Терекъ, напоромъ воды прорвалъ часть гати, или укрѣпленнаго берега и къ утру, и вода затопила большую часть города лежащаго вообще на сажень и ниже поверхности рѣки. По улицамъ и дворамъ плавали на лодкахъ спасая имущество и скотъ. Болѣе всего пострадали жители станицы Борозлики. Такого наводненія въ Кизлярѣ давно не запомнить.

Ахалцыхъ. Хертивскій Участковый Засѣдатель доноситъ, что 9-го числа минувшаго мѣсяца, начиная съ 4-хъ часовъ полудня до сумерокъ, въ самомъ мѣстечкѣ Хертивскѣ и въ окрестностяхъ онаго, была необыкновенная гроза, сопровождавшаяся бурей, сильнымъ дождемъ и градомъ; градъ былъ разнообразенъ и падалъ частію съ голубиное яйцо, а болѣе кусками льда, вѣсомъ до 12 золотниковъ; градомъ этимъ истребленъ на поляхъ почти весь хлѣбъ и трава, а въ садахъ фрукты и огородныя овощи, какъ въ Хертивскѣ, такъ и въ смѣжныхъ съ нимъ мѣстахъ. — Кромѣ сего, во время бури, въ самомъ Хертивскѣ, необыкновеннымъ стремленіемъ воды, обрушены нѣкоторыя части сосѣдней горы; и камнями и водою запалены и разрушены до основанія находившіяся на подошвѣ горы 4 дома, а изъ числа жильцевъ оныхъ, при спасеніи себя и вытаскиваніи своего имущества, сильнымъ стремленіемъ воды, житель Чахо-Алаверды-Оглы и теща его, Ашо, унесены въ рѣку Ахалкалачку; — въ нихъ первый, по принятію Участковымъ Засѣдателемъ мѣрамъ, хотя былъ вытасченъ изъ воды, и были ему тогда-же преподаны пособія, по наставленіямъ объ утопшихъ, но безъ успѣха: а послѣдній унесена водою и не найдена.

Кутаисъ. Сачхерскаго участка, въ мѣстечкѣ Сачхерахъ, 1-го числа Юля, въ отсутствіи изъ дому крестьянина, Армянина Ефрема Бегела — Швили и его взрослыхъ домашнихъ, остались въ сѣняхъ его дома малолѣтніе дѣти ближайшихъ сосѣдей: сынъ церковнаго крестьянина Захарія Тотоби-Швили, Соломонъ, 9-ти, и дочь помѣщичьяго крестьянина Байдиура Гватилоза Швили,

ГРУЗИНКА.

Здѣсь родилась она, среди родныхъ руинъ,
И развилась въ виду Казбека;
Въ ней княжеская кровь, — отецъ ея Грузинъ,
А мать — была сестрою Бека.
Темны, какъ ночь, ея восточные глаза;
Въ нихъ есть и блескъ, и жаръ, и сила,
Какъ будто никогда, и ни одна слеза,
Ей блѣдныхъ щекъ не оросила.
Вчера, когда заря багровый пламень гасъ
За виноградными садами, —
Ее — мою княжну — я видѣлъ въ первый разъ,
На кроватѣ усталой поврама.
А нынче — вонъ она, подъ блую чадруй,
Скользая, тропишкою паторной,
Чтобъ зачерпнуть воды, въ потокѣ подъ горой,
Несетъ сама кувшинъ узорный.
Иди за ней; но знай, усталый путникъ мой!
Ея любовь — миражъ среди пустынныхъ
Стенъ; — не утолять жажды въ зной
И не врачуетъ ранъ старинныхъ!

ТИФЛИСЪ.

Юля 16-го 1846 года.

Солома, 8-ми лѣтъ; изъ нихъ первый, взявъ оставшееся въ томъ домѣ тестемъ Ефрема Бегелашвили, жителемъ Лечгумской провинціи Георгіемъ Джанула Швили, заряженное пулею ружье, началъ разсматривать его съ дѣвочкою Соломією; при чемъ, изъ ружья послѣдовалъ выстрѣлъ прямо въ голову Соломіи; выстрѣломъ этимъ сорвало ей все лицо, начиная отъ лѣваго глаза, выше половины носа, съ раздробленіемъ черепа, и дѣвочка эта въ тоже время умерла.

Кисловодскъ. Вновь учрежденное здѣсь Почтовое Отдѣленіе открыто съ 1-го Іюля, и первая почта изъ Пятигорска сюда отправлена 2-го числа; а изъ Кисловодска въ Пятигорскъ и во всѣ мѣста Имперіи, первая почта отправлена 5-го Іюля.

ЗАМОКЪ ВАРДИКХЕ.

ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе).

Въ продолженіи этаго разговора между царицею и Руставелемъ, въ одномъ изъ отдаленныхъ покоевъ замка, именно въ комнатѣ царской кормилицы, шелъ другой разговоръ, не менѣе важный, между Тасією, Ниною и кормилицею. Тасія успѣла уже пересказать старухѣ — какимъ образомъ она вывѣдала у Нины признаціе въ любви, и какъ Нина, при каждомъ словѣ, старалась защищать Руставеля, и не могла скрыть радости печальнаго съ нимъ свиданія.

— Ниночка, хочешь, я короче познакомлю тебя съ Шотою? Онъ рѣдкій молодой человекъ; какъ двѣ капли воды похожъ на моего Аслана.

— Нѣтъ, кормилица, еслибъ слѣдовало мнѣ быть съ нимъ короче знакомою, то сама царица приказала бы мнѣ съ нимъ говорить.

— Царица не думаетъ объ этомъ; притомъ, ей извѣстно, что ты очень робка и стыдлива и убѣгаешь молодыхъ людей. Видишь ли, какъ скоро Тасія успѣла съ нимъ подружиться.

— Хотя и не подружиться, прервала Тасія, но все таки — онъ первый заговорилъ со мною. Странно, что на Ниноу вовсе никогда и не смотритъ.

— Я-же говорю, что Нина убѣгаетъ его сама. А право стоитъ, чтобъ имъ любоваться. Онъ, какъ двѣ капли воды, похожъ на моего Аслана.

— Ну ужъ стоитъ, проговорила Тасія; одѣтъ всегда въ черномъ, глаза тоже черные, какъ у злаго духа, лице блѣдное, какъ у голоднаго, а носъ, какъ у нашего истреба. Но моему, скорѣе нужно любоваться его конемъ, чѣмъ имъ самимъ.

— Тасія, да знаешь-ли, что и въ цѣлой Грузіи не отыщешь другаго, подобнаго ему, кромѣ моего Аслана.

— Экая важность... да и подобной мнѣ нельзя отыскать.

— Ты сказала правду, Тасія. А вотъ лучше выслушай меня: я расскажу — кто такой Шота, и потомъ уже осуждай его. Я знала его еще вотъ — такого маленькаго, знала и отца и мать его. Ахъ, покойница была славная женщина!...

— Расскажи, душечка — кормилица, сказала Нина, подбѣвъ поближе къ старухѣ.

— Ну-ка, ну, расскажи — что это за птица, которая такъ высоко лѣтаетъ по ночамъ.

— А вотъ — кто такой Шота, начала кормилица, онъ, какъ двѣ капли воды, похожъ на моего Аслана...

— Такъ вотъ кто твой Шота!... ха, ха, ха!...

— Полно, Тасія, не мѣшай кормилицѣ рассказывать!

— Ты помнишь, Нина, моего Аслана? продолжала старуха; бѣдненькій, онъ теперь въ походѣ и, вѣрно, часто вспоминаетъ обо мнѣ. Вотъ будетъ радость, когда онъ пріѣдетъ сюда.

— Кормилица, да ты про кого рассказываешь: про своего Аслана, или про Шоту? — спросила съ усмѣшкою Тасія.

— Тасія, сердито вскрикнула старуха; Богъ далъ намъ языкъ не для того, чтобы другому мѣшало говорить.

— Ну, еще одно слово, кормилица: скажи по правдѣ, по совѣсти — кто на кого болѣе похожъ, какъ двѣ капли воды, Шота на Аслана, или этотъ на того?

— Тасія, я перестану говорить.

— Душечка, Тасія, оставь кормилицу въ покоѣ!

— Въ какомъ покоѣ? да у нея, ни днемъ, ни ночью нѣтъ по Асланѣ покая.

— Вотъ, правда — такъ правда, съ тѣхъ поръ, какъ нѣтъ при мнѣ моего Аслана, то ни сна, ни отдыха, ни аппетита я не знаю...

— Ха, ха, ха... нѣтъ аппетита! кормилица, ты ли это говоришь? проговорила Тасія и съ хохотомъ выбѣжала въ другія комнаты.

— Вотъ, Ниночка, не бери съ нея примѣра; ни

когда мужъ не полюбитъ ее. Да, я хотѣла рассказать о Шотѣ. Ну вотъ видишь, Ниночка, я знаю Руставеля еще съ тѣхъ поръ, какъ ему было двѣнадцать или тринадцать лѣтъ; тогда привезли его къ покойному царю Георгію. Вотъ былъ царь, бывало домой не воротится безъ того, чтобъ не дать кому нибудь милостыни. Однажды, проѣзжая черезъ городъ, онъ встрѣтилъ на улицѣ нищаго, который смѣло подошелъ къ нему и остановилъ его коня. «Царь! сказалъ громкимъ голосомъ нищій, гдѣ законъ, гдѣ правосудіе, гдѣ вѣра твоя? Видишь-ли меня оборваннаго, нищаго, лишеннаго дневнаго пропитанія? Узнаешь-ли меня?... Я одинъ изъ тѣхъ рабовъ твоихъ, которые, по смерти родителя твоего, желали видѣть въ тебѣ солнце правды и милосердія; одинъ изъ тѣхъ подданныхъ твоихъ, предки котораго владѣли огромными помѣстьями и были совѣтниками родителя твоего: дѣдъ мой былъ обладатель Ахалцыхскихъ земель и независимый владѣтель Месхійской; отецъ — уступилъ царю всѣ свои земли и оставилъ у себя только провинцію Сабатаго; я же — уступилъ тебѣ и это, и долго былъ владѣтелемъ маленькаго мѣстечка Рустава, родовой собственности моихъ дѣтей; но — вельможи твои, которыхъ не трудно мнѣ сей часъ-же наименовать, отняли у меня и этотъ остатокъ за то, что я не хотѣлъ признать ихъ превосходства надъ собою. И теперь, я, владѣтель Руставскій, вѣрный слуга твой и покойнаго родителя твоего, Дмитрій Руставель, лишенный послѣдняго куска хлѣба, — требую отъ тебя отвѣта, государь, — гдѣ мнѣ искать правосудія? — » Во дворцѣ! — отвѣчалъ царь и приударилъ коня. — Стой, государь, сказалъ нищій; если правды нѣтъ здѣсь, то и тамъ ее не будетъ, — тамъ, во дворцѣ, гдѣ на каменныхъ ступеняхъ дѣтницъ запечатлѣлись уже слѣды ногъ моихъ; гдѣ каждый изъ прислужниковъ твоихъ — отъ старца до ребенка, знаетъ уже всю родословную мою; гдѣ и сама наскучило лаять на меня, а людямъ спрашивать — кто я; — не будетъ тамъ правды, государь!.. Посмотри на эту джину и блестящую свиту твою, сказалъ нищій, указывая рукою на провожатыхъ царедворцевъ, ихъ кони покрыты золотомъ, ихъ платья, усыпаны жемчугомъ, а сами они — похожи на сабли обоюдоострыя, вложенныя въ богатые ножны... боюсь ихъ, государь, но бойся и ты!... Не успѣлъ онъ договорить, какъ двое царскихъ тѣлехранителей подбѣжали къ нищему и подхватили его. Это былъ отецъ Шоты. Ахъ, Нина, я еще не могу хорошо пересказать тебѣ словъ нищаго, а то престо, ты-бы расплакалась. Мой Асланъ хорошо рассказываетъ. Черезъ мѣсяць, привезли во дворецъ все семейство Дмитрія Руставеля. Жена его умерла на другой-же день; трехъ дочерей царь приказалъ отправить въ какой-то монастырь, а сына, маленькаго Шоту, царь полюбилъ съ перваго-же взгляда и приказалъ отправить, вмѣстѣ съ прочими княжескими дѣтьми въ Грецію, для обученія наукамъ. Шота былъ такой хорошенькій мальчикъ, Нина, что и тогда, какъ двѣ капли воды, былъ похожъ на моего Аслана. Ахъ, не забуду никогда, какъ онъ старался подкупить меня, чтобъ только показать ему молодую царевну. Бѣдненькій, какъ онъ увидѣлъ Тамару, то и хватъ ужъ не хотѣлось ему въ чужія страны.

— А онъ долго былъ въ Греціи? спросила Нина.

— Десять лѣтъ тамъ учился; теперь третій годъ, какъ пріѣхалъ сюда.

— Гдѣ-же отецъ его?

— Онъ, говорятъ, попалъ въ немилость царя и куда-то скрылся.

— А сестры все еще въ монастырѣ?

— Нѣтъ. Пять лѣтъ тому назадъ, какъ Лезгины ихъ взяли въ плѣнъ.

— Бѣднень. Ну, продолжай, кормилица.

— Царица скоро полюбила молодого Руставеля и отличила его отъ прочихъ своихъ придворныхъ. Шота сталъ сочинять книги на разныхъ языкахъ, писать стихи, да какіе стихи, Нина, — просто изумительность. Говорятъ, будто у него есть какой-то талисманъ; незнаю, правда ли это? Но царица говоритъ, что подобнаго ему поэта нѣтъ ни при одномъ дворѣ. А ты знаешь, Нина, что царица сама плачетъ иногда, какъ читаетъ его стихи? Ты не читала?

— Ахъ... Я всѣ его пѣсни на-память знаю...

— Царица одарила Шоту и золотомъ и деревнями и людьми, — однимъ словомъ, сказала ему: «Руставель! сокровищъ у меня много, проси ихъ столько, во сколько оцѣнишь все царство мое вмѣстѣ со мною.» — «Царица, отвѣчалъ Шота, если оцѣнить всѣ царства земныя, всѣ звѣзды, и солнце и мѣсяць, — если оцѣнить всю вселенную, то не выйдетъ даже едва замѣтной части того, чего ты стоишь.» Нина, сказала со вздохомъ старуха, иногда люди бываютъ очень злы: доброе расположеніе царицы къ Руставелю стали толковать иначе; самаго-же Руставеля стали бранить и въ глаза и за глаза; они говорили — будто онъ сынъ нищаго, — между тѣмъ гордъ и грубъ и хвастаетъ происхожденіемъ, котораго будто не имѣетъ. Но ты слы-

шала отъ меня, Нина, что предки Руставеля были независимые владѣтели; они платили только дань царю, а сами тоже считались царями. Покойный царь Георгій не отправилъ-бы его въ Грецію, еслибъ онъ былъ сынъ нищаго. Когда царица вступила на престолъ, то пріѣзжали къ ней съ поздравленіями послы изъ разныхъ странъ свѣта. Греческій посолъ тогда-же сказалъ ей, что къ ней пріѣдетъ скоро изъ ихъ странъ одинъ изъ ея подданныхъ, который будетъ служить украшеніемъ ея двора; и съ тѣхъ поръ она съ нетерпѣніемъ ожидала Шоту.

— А царица знаетъ объ этихъ толкахъ? спросила Нина.

— Да какъ ей не знать, когда и въ глаза намѣкаютъ ей объ этомъ. Но царица — умная женщина. Она куда смотритъ на все сквозь пальцы. Ей стоитъ произнести одно лишь слово — и никого изъ этихъ злодѣйныхъ не будетъ въ живыхъ. На что — ужъ какъ она уважаетъ Шоту, однакожъ и ему сказала однажды, разсердившись: «Шота, ты, вѣрно, замѣтилъ, что ни одинъ изъ моихъ царедворцевъ, кромѣ стараго Захарія, не осмѣливается смотрѣть мнѣ прямо въ глаза? Замѣтилъ, конечно, и то, что и я не могу безъ негодованія смотрѣть на ихъ двойныя лица? Я ихъ уподобляю тому вредному хлѣбу, который сколько нибудь бываетъ пригоденъ для людей только во время сильнаго неурожая. Если-жъ и ты, Шота, постарайся уподобиться имъ, то прежде чѣмъ отворочу отъ тебя лицо свое, прикажу истолочь тебя въ песокъ и развѣять по вѣтру.»

— Кормилица, сказала покраснѣвъ Нина, я давно собираюсь спросить тебя — какъ Шота любитъ царицу, — такъ ли какъ обыкновенную дѣвушку, или же какъ государыню свою?

— Ниночка, однажды тоже спросила моего Аслана — какъ онъ любитъ... .

Слова старухи были прерваны Тасією, которая быстро вбѣжала въ комнату и что-то ей шепнула на ухо. Кормилица сморщилась и неловко вышла изъ комнаты.

— Ну, Ниночка, пропажь твой Шота, сказала съ веселымъ лицомъ Тасія.

— Что такое, что?... развѣ съ нимъ сдѣлалось дурно? спросила съ безпокойствомъ Нина.

— Нѣтъ, не дурно, а прекраснѣе сдѣлалось... .

Ха, ха, ха... а старуха увѣрила тебя, что Шота съ неба свалился и какъ двѣ капли воды похожъ на Аслана... ха, ха, ха... Дурочка, ты, дурочка, какъ не догадываешься, что ей приказано никогда не хулить его передъ нами... вотъ такъ-то ты обманываешься... ахъ, какъ я рада теперь!...

Едва успѣла договорить Тасія, какъ въ сосѣдней комнатѣ послышался голосъ царицы, и дѣвушки бросились къ дверямъ.

Руставель пришелъ домой печальный и угрюмый. Служителямъ своимъ онъ тотчасъ приказалъ укладываться въ дальнюю дорогу, а самъ сталъ ходить по комнатѣ. Ночь наступила скоро. Въ длинныхъ рѣшетчатыхъ окнахъ замка заискрились огни, на небѣ загорѣлись звѣзды, и въ душѣ поэта мучительная грусть заступила мѣсто томившей его до того жажды мести.

— Торжествуйте, говорилъ онъ, щедрые потомки давно прославленныхъ отцевъ; теперь и для васъ настало время. Я былъ одинъ, а васъ такъ много; и въ каждомъ изъ васъ нуждается она... Чего не успѣли сдѣлать при мнѣ, то исполните теперь, когда межъ вами не будетъ уже бездарнаго, нищаго поэта... Царица одна, и неопытна; вы-же были извѣстны своею честью и покойному родителю ея... о! вы всѣмъ извѣстны, — и много, много жалѣю васъ, что вы не могли быть свидѣтелями послѣдней бесѣды моей съ этою женщиной, гордою и бездушною... Тамара! какъ я любилъ тебя, но теперь — какъ ненавижу! ты ослѣпила меня своимъ притворствомъ, и я, какъ дитя, не могъ разгадать того адскаго лицемѣрія, которому научили тебя твои придворные; я вѣрилъ въ счастье, котораго видѣлъ только призракъ; вѣрилъ въ тебя, забывая, что ты женщина... И ты вздумала женить меня и спокойно сама-же излѣваться надо мною! Скоро наскучилъ я тебѣ! Давно-бы слѣдовало открыться, а не бросать мнѣ въ лицо бѣдную дѣвушку, жертву твоихъ честолюбивыхъ замысловъ... Да, скоро наскучилъ мое имя не прославить тебя, не привлечь изъ дальнихъ странъ поклонниковъ къ тебѣ, потому что я былъ не тѣмъ, чѣмъ ты слѣдовало; я дорожилъ твоимъ спокойствіемъ, не говорю честью, болѣе чѣмъ своимъ; и ты говоришь — что подобнаго мнѣ подданныхъ у тебя много, а ты одна! Да, одна... Правду говорятъ... . но Боже, благодарю тебя!...

Руставель долго ходилъ по комнатѣ, порою произносилъ безсвязныя выраженія. Стало наконецъ свѣтать, и онъ прилегъ на тахту. Вдругъ растворились двери, и съ веселымъ лицомъ вошелъ къ

нему Рамазъ.

— Здравствуй, Шота.

— Откуда ты такъ рано идешь? спросилъ его Шота, стараясь казаться спокойнымъ.

— Съ пира.

— Съ какаго? Вчера не было нигдѣ пира.

— Былъ, да кончился; а остатки его я принесъ съ собою; — смотри — замѣтно ли, что я много пилъ?

— Нѣтъ, не замѣтно.

— Такъ — вотъ видишь, что я искуснѣе тебя въ притворствѣ. А ты куда собрался?

— Тоже на пиръ, но только дальнѣй.

— Съ пира на пиръ! Прекрасно! сказалъ съ умѣшкой Рамазъ. Только смотри, не посрами себя противъ непріятелей; ихъ, говорятъ, очень много; а война нынѣшняго года будетъ рѣшительная.

— Непрѣтели мнѣ не страшны; тѣмъ болѣе, что, какъ я открылъ, Тамара беретъ сама защищать меня.

— А все говоришь, что она тебя любитъ. . . или нѣтъ, виновать, не любитъ. Вотъ видишь — какъ ты недобѣрчивъ къ женщинамъ!

Руставель подробно разсказалъ своему другу вчерашній разговоръ съ царицею.

— И такъ ушла, что даже не простилась съ тобою? Какъ жаль! сказалъ Рамазъ, совниманіемъ выслушавъ Руставеля.

— Ушла, и я вслѣдъ за нею вышелъ.

— И наконецъ вышло то, что она тебя не любитъ; а чтить въ тебѣ только твои способности, молодость и красоту, — и больше ничего.

— Правду говоришь, Рамазъ, отвѣчалъ со вздохомъ Руставель.

— Слушай, Шота, я скажу тебѣ болѣе правды: ты дѣлаешь дурно, что отказываешься отъ женитьбы.

— Рамазъ! изъ двухъ золъ я всегда стараюсь выбрать большее; но, на этотъ разъ, я выбралъ то, которое поменьше.

— Ошибся въ выборѣ.

— Почему?

— Что можетъ быть хуже, какъ сдѣлаться посмѣшнымъ своимъ врагамъ.

— Хуже? признать вредъ всѣмъ ихъ превосходство надъ собою, и отъ той, которую больше всѣхъ на свѣтѣ любишь, слышать совѣты — жениться.

— Шота, ты судишь, какъ ребенокъ. По моему, все равно, отъ кого-бы ни слышать эти совѣты. Богъ далъ каждому изъ насъ разумъ, и если совѣтъ хорошъ, то почему-жъ не слѣдовать ему. Пусть кто нибудь посоветуетъ мнѣ пить побольше вина, да поменьше ухаживать за женщинами, — я назову его умѣйшимъ человекомъ въ свѣтѣ, потому что слова его будутъ согласны съ моимъ разумомъ.

— Мой-же разумъ говоритъ — что не должно мнѣ жениться.

— Такъ говоритъ твоѣ сердце, и ты всегда будешь несчастливъ.

— Не вижу я счастья, Рамазъ; и если оно состоитъ въ глубокомъ душевномъ спокойствіи, то тѣмъ болѣе не вижу. Спокойствіе — удѣлъ четвероногихъ животныхъ.

— Если такъ, то зачѣмъ стараешься ты казаться теперь спокойнымъ? въ глазахъ твоихъ вижу сильную душевную тревогу.

— Рамазъ! Если трусъ корчитъ храброго — смѣшно; но если храбрецъ корчитъ труса, — то это ничего.

Рамазъ молчалъ.

— Слушай, другъ, продолжалъ Руставель, чтобы судить хотя приблизительно о положеніи человека, нужно поставить себя на его мѣсто; а чтобы это сдѣлать, нужно имѣть сколько нибудь сходства съ нимъ, или по характеру, или же по привычкамъ.

— Шота, отвѣчалъ Рамазъ, позволь мнѣ сказать тебѣ еще правду: твой характеръ и причиною всѣхъ неудовольствій и сплетней. Странно — почему-бы не жить въ мирѣ совѣмъ, или наконецъ, почему-бы не послушаться совѣта Тамары и не жениться? Тебя досадуетъ то, что Тамара тебѣ совѣтуетъ жениться, тогда какъ ты ее любишь, и при томъ, ты не хочешь признать надъ собою превосходства своихъ враговъ, которые рано или поздно скажутъ тебѣ, что побѣдили тебя и, какъ раба, заставили жениться? Но, Шота, если причиною твоего неудовольствія Тамара, то тѣмъ скорѣе ты долженъ жениться; иначе, если-бы она любила тебя, то не стала-бы давать такихъ совѣтовъ; значить она тебя вовсе не любитъ. Если же причиною — царедворцы ея, то тѣмъ хуже дѣлаешь своимъ упорствомъ: — ты уже заранѣе начинаешь чтить ихъ превосходство надъ собою, вмѣсто того, чтобы платить имъ однимъ презрѣніемъ и не обращать вниманія на ихъ толки. Правда, я не учился нигдѣ, но все таки думаю, что сказалъ тебѣ истину.

Руставель улыбнулся и не отвѣчалъ ни слова.

— Впрочемъ, все на свѣтѣ вздоръ, продолжалъ

Рамазъ, махнувъ рукою; и я, и ты, и жена, и Тамара, и царедворцы, и даже твоя любезная Тасія — не стоимъ кружки порядочнаго греческаго вина.

— Рамазъ, сказалъ спокойнымъ голосомъ Руставель, кто не бывалъ голоднымъ, тотъ не знаетъ удовольствія быть сытымъ; кого не пекло солнце, тотъ не знаетъ удовольствія быть въ тѣни; кто не пивалъ еще горечи жизни, тотъ не испыталъ и сладости ея; — и на оборотъ — кто всегда былъ сытъ, тотъ не знаетъ мученій голода; кто былъ всегда богатъ, тотъ не знаетъ нужды бѣдняка; кто былъ всегда собою доволенъ, тотъ не знаетъ горечи жизни, и наконецъ, кто не любилъ, тотъ и не можетъ судить обо мнѣ.

— Положимъ-что такъ; ты поэтъ и говоришь по ученому. Я-же отроду не бывалъ ни богачемъ, ни бѣднякомъ, а жилъ по немногу, не пивалъ никакой горечи жизни, потому что пью всегда вино; солнце никогда не пекло меня такъ сильно, чтобы я сталъ еще Но, смотри-ка въ окно, Шота, что это за туловище несетъ сюда? Ааа! это Георгій, любимецъ царицы. Не ко мнѣ-ли онъ?

Спусти минуту, мужчина высокаго роста, дородный и плечистый, въ полномъ вооруженіи, вошелъ въ комнату и низко раскланялся.

— Что скажешь новаго, Георгій? спросилъ Рамазъ.

— Свѣтлѣйшая царица Тамара, сказала тѣлохранитель, почтительно обратившись къ Руставелю, государыня наша, счастливейшихъ ея рабовъ, царица семи царей, — приказала вамъ, высокопочтеннѣйшій господинъ Шота Руставель, не выѣзжать изъ Вардцихскаго замка и ждать ея повелѣній.

— Повинуюсь, отвѣчалъ съ притворнымъ хладнокровіемъ Шота, и попросилъ тѣлохранителя присѣсть на тахту.

— Когда изволитъ царица отправляться въ походъ? спросилъ Шота.

— Былъ назначенъ завтрашній день, какъ извѣстно и вашей милости; но вчера ночью царица изволила дать приказаніе выступить послѣ завтра.

— Посмотримъ, что она привезетъ намъ, сказалъ съ улыбкою Рамазъ.

Тѣлохранитель всталъ и, низко раскланявшись Руставелю, вышелъ. Рамазъ послѣдовалъ за нимъ.

— Георгій! ты мнѣ давеча не все договорилъ. Этотъ брюхатый товарищъ твой, настоящій винный кувшинъ, да еще въ добавокъ порошій, помѣшалъ намъ говорить.

— Ну, и открылось наконецъ, что Тасія подслушала весь разговоръ царицы съ Шотою. Ее стали допрашивать; — она давай отпѣкиваться Тутъ, на бѣду ей, случился маленький нажъ царицы и онъ уличилъ Тасію. Спросили потомъ кормилицу и она тоже самое подтвердила.

— Кто-жъ ее допрашивалъ? не узнали-ли другіе?

— Допрашивала сама царица. А узнать никто не узналъ, потому что Тасія успѣла пересказать часть разговора кормилицѣ, и намѣками дать знать Ниинѣ, которая вскорѣ послѣ того заболѣла и теперь опасно больна горячкою. Больше-же никому она не говорила.

— Экая мерзкая ворона: она не въ первый разъ это дѣлаетъ. Готовъ держать пари, что всѣмъ придворнымъ сплетнямъ только она причиною.

— Теперь ужъ все кончено. Сегодня на разсвѣтѣ у нея отрезали языкъ и уши, и съ кормилицею вмѣстѣ отправили въ дальній монастырь.

— По дѣламъ обѣимъ, сказалъ Рамазъ.

— Но вотъ что дурно, продолжалъ вполголоса Георгій, когда къ Тасіи приступили съ пожемъ, то она, надѣясь чрезъ новую сплетню заслужить прощеніе, разсказала на единѣ царицѣ, будто третью часть дня, ночью, Шота входилъ въ ея спальню. Царица, повидимому, не обратила на это никакого вниманія и приказала все таки казнить ее, — но послѣ . . . велѣла позвать къ себѣ стоявшихъ въ ту ночь на стражѣ двухъ тѣлохранителей и стала ихъ допрашивать. Они признались, что Шота подкупилъ ихъ. Я думаю, что и имъ отрезали языки. А до того они ужъ посажены въ яму.

— Георгій, да вѣдь слухъ обо всемъ этомъ легко можетъ дойти и до царедворцевъ. Тогда стыдъ царицѣ и поношеніе Шотѣ.

— Нѣтъ, все это дѣлается въ тайнѣ, и кромѣ меня никто объ этомъ не знаетъ. Да и тебѣ не совѣтую говорить объ этомъ Шотѣ.

— Конечно, не стану. Ну, а съ больною Ниною что хотѣть дѣлать.

— Ничего. Она остается здѣсь. А вамъ, пріятелямъ Шоты, слѣдуетъ женить его на ней, если только желаете ему добра.

— Нѣтъ, братъ Георгій, жениться не такъ легко, какъ сѣсть на лошадь и поѣхать на охоту; а жениться поэту — тоже самое, что навьючить ястреба и пустить его за птицею. Если-бъ мнѣ попалась такая жена, какъ эта проклятая Тасія, то я, не то что языкъ и уши, да и ноги ей бы отрезалъ. Скажи мнѣ теперь, Георгій, что будетъ съ Шотою?

— Богъ вѣсть! Ты вѣдь знаешь, Рамазъ, что царица, какъ бы много ни любила кого, за малѣйшую неповавленную дерзость готова мучить его не одною, но тысячами смертей.

— Плохо. . . жаль его. . . не выкупаютъ-ли ему яму? . . .

— Увидимъ.

Утверждаютъ, будто одною изъ главныхъ причинъ застою просвѣщенія на Востокѣ, есть затворничество женщинъ; иначе сказать, будто участіе женщинъ въ жизни общественной необходимо для развитія просвѣщенія. Правда это или нѣтъ, предоставляю рѣшить читателю. Сколько-же можно судить по Исторіи Грузіи, или, вѣрнѣе сказать, по преданіямъ Грузинъ; то въ этой странѣ, особенно со времени введенія Христіанской религіи, затворничество женщинъ не носило того характера, какими отличались остальные части Востока. Бывали-ли народныя празднича или общественныя увеселенія, женщины имѣли къ нимъ свободный доступъ, и даже принимали въ нихъ участіе. Мужъ не чуждался жены ни при родственникахъ, ни при знакомыхъ; то-чно также какъ дѣвушка не чуждалась людей постороннихъ, если только окружали ее родные. Но при всемъ томъ, просвѣщеніе въ Грузіи не дѣлало ни шага впередъ. Бывали, конечно, какъ и вездѣ, въ каждомъ вѣкѣ, двое или трое неотстающихъ отъ хода современнаго просвѣщенія другихъ странъ; но масса народа никогда не выходила изъ колеи своего первобытнаго умственнаго развитія и коснѣла въ невѣжествѣ.

Я считалъ необходимымъ сдѣлать это отступление, для лучшаго объясненія нѣкоторыхъ мѣстъ повѣсти.

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1193 года, замокъ Вардцихскій былъ почти пустъ. Изъ двухъ тысячъ его народонаселенія, едва осталась третья часть, и то по большей части старики, женщины и малолѣтніе. Исходилъ уже четвертый мѣсяцъ отсутствія Тамары; но никто въ замкѣ не зналъ подробностей ея похода. Лишь изрѣдка раненый воинъ, возвратившись на родину, описывалъ чудные подвиги молодой царицы — и увѣрялъ слушателей, что она сама бросается въ пыль сраженія. Никто, однакожъ, не вѣрилъ подобнымъ разсказамъ. «Можетъ-ли статья, говорили они, чтобы двадцати-двулѣтняя дѣвушка могла побѣждать невѣрныхъ, съ которыми не могли справиться ея предки?» Но какъ-бы то ни было, а многіе жаждали скорого возвращенія царицы въ замокъ, — ослѣпленны и скучныи. И въ самомъ дѣлѣ — не слышно ужъ было въ немъ ни пѣсенъ придворныхъ пѣвцовъ, ни звуковъ музыки, которые такъ часто раздавались въ ея присутствіи, — развѣ по крику ребятишекъ и лаю собакъ можно еще было догадаться, что жители Вардцихские выбрали не всѣ. Только у одного изъ дворянскихъ домиковъ, обсаженнаго орѣховыми и каштановыми деревьями, составлялся каждый вечеръ небольшою кружокъ, по большей части изъ князей или дворянъ: они обыкновенно шумѣли, пѣли, веселились; по временамъ садились на коней и начинали джигитовку; — нѣсколько поодаль отъ нихъ садились женщины и дѣвушки и, подобно имъ, затѣвали своего рода удовольствія. Хозяйка домика была молодой человекъ, смуглый лицомъ, съ черными глазами, почти постоянно подернутыми грустью; онъ мало принималъ участія въ веселіи своихъ гостей. Хозяйка-же была гораздо моложе его, красоты поразительной; во впадинахъ голубыхъ глазахъ ея выражалась еще та дѣтская невинность, слѣды которой остаются долго у тѣхъ, которыхъ создала природа кроткими и нѣжными. Она казалась еще задумчивѣе мужа и, подобно ему, мало обращала вниманія на шумъ своихъ гостей.

Хозяинъ и хозяйка, мужъ и жена, были Шота Руставель и Нино.

Не стану описывать подробностей ихъ брака, для котораго, по приказанію Тамары, во время ея отсутствія, были придуманы всѣ возможныя средства. Скажу только, что черезъ мѣсяцъ по отъѣздѣ ея, друзья успѣли женить Руставеля.

Въ одинъ изъ лѣтнихъ вечеровъ, когда разошлись всѣ гости, и молодые супруги остались подъ деревомъ вдвоемъ, Шота лежалъ на коврѣ, опершись о подушку и напѣвалъ арабскія пѣсни, а Нино сидѣла подлѣ него и, не понимая словъ пѣсенъ, внимательно вслушивалась въ его напѣвы.

— Шота, сказала наконецъ Нино, Рамазъ видѣлъ сегодня гонца, который разсказывалъ, что царица непременно будетъ на дняхъ.

Шота не отвѣчалъ и пѣлъ по прежнему.

— Гонецъ говорилъ, будто царица возвращается съ огромною добычею. Однихъ плѣнныхъ до пяти тысячъ.

— А говорили, что она не умѣетъ сражаться?

— А ты умѣешь? брали-ли ты кого нибудь въ плѣнъ?

— Нѣтъ, Нино; если случай и бросалъ мнѣ на руки плѣнныхъ, то я скорѣе старался освобождать

ихъ, чѣмъ тащить съ собою.
 — Въ самомъ дѣлѣ; вѣдь многіе изъ нихъ остав-
 ляютъ домъ, жену, родителей, дѣтей, которые
 ждутъ ихъ возвращенія, какъ узники солнечнаго
 свѣта. Ахъ, какъ жалко смотрѣть на плѣннаго!
 — А еще жалче смотрѣть на убитаго! сказалъ
 со вздохомъ Руставель.
 — Да, Шота; но тотъ, покрайней мѣрѣ, ничего
 не чувствуетъ.
 — Есть, Нина, люди, убитые душевно.
 — Ты хочешь сказать, что есть такіе, у кото-
 рыхъ много горя?
 — Что горе? Человѣкъ иногда и горю бываетъ
 радъ. Тотъ не называю больнымъ, чей болѣзни
 есть имя; того не называю убитымъ, о комъ нѣ-
 кому жалѣть; но тотъ болѣтъ, Нина, чья кровь
 проникнута ядомъ сильнымъ и опаснымъ, и тотъ
 заранѣе убитъ, кому въ противодіе дали ядъ
 сплѣвѣшій!
 Нина молчала.
 — Слушай меня, Нина! Былъ человѣкъ, отъ
 рожденія слѣпой, старій годами и набожный ду-
 шой; часто онъ слышалъ отъ ближнихъ своихъ
 рассказы о Божьемъ твореніи, о предстѣяхъ міра
 и насъ окружающей природы; рассказы о дивномъ
 могущество Творца и удивительной мудрости въ
 созданіи Вселенной;—сплѣвалъ, и жаждалъ душою
 видѣть все то своими глазами. Разъ, ночью, какая-то
 невѣдомая сила раскрыла ему глаза и бѣднѣй, не
 чувствуя себя, посмотрѣлъ на небо и вился гла-
 зами въ мириады блестящихъ свѣтилъ. «Старикъ,
 посмотри и вокругъ,» шепнула ему невѣдомая сила.
 Оборотилъ онъ голову, но за кругомъ все было тем-
 но; посмотрѣлъ онъ опять на небо, но и тамъ
 встрѣтилъ тьму; сталъ протирать глаза и почув-
 ствовалъ, что они также закрыты, какъ были и
 прежде. Онъ всталъ и ошущию вышелъ на крыль-
 це, и присѣлъ на камень. Лучъ солнца ударилъ въ
 глаза и старецъ сталъ зрячимъ. Посмотрѣлъ онъ
 на Божье твореніе, на прелесть видимой природы
 и, упавъ съ благоговѣніемъ на колѣна, сталъ шеп-
 тать молитву. Спустя короткое время, поднимая
 онъ голову, взглянулъ на солнце и бѣднѣй ос-
 лѣпъ: — не вынесъ онъ яркости свѣта. — Съ
 тѣхъ поръ, тотъ старикъ сталъ сильно томиться
 жизнью. . . . Нина, не лучше ли было, если-бъ
 онъ тотчасъ и умеръ?
 — Шота, мы-же не можемъ жаловаться на
 судьбу?
 — Нѣтъ человѣка довольнаго собой.
 — Чѣмъ-же ты не доволенъ?
 — Тѣмъ-же, чѣмъ остался недоволенъ тотъ
 старикъ, когда ослѣпъ онъ отъ солнца.
 — Не понимаю тебя. Ты всегда грустенъ, пе-
 чаленъ; нельзя подступить къ тебѣ, чтобъ не
 слышать жалобъ твоихъ на жизнь. Не знаю, не
 могу понять причины твоему горю.
 — Причиной я самъ.
 — Правда. Даже и во снѣ произносишь имя
 Тamarы, сказала Нина со вздохомъ.
 — А ты слышала? не вѣрь, Нина, моиъ снамъ:
 они обманчивыи бредъ больной души.
 И онъ взялъ ее за руку и поцѣловалъ. Нина
 обвила его шею руками и тѣсно вдолнула.
 — Шота, позволь мнѣ выпросить тебѣ у царицы
 прощеніе, сказала она послѣ долгаго молчанія.
 — Благодарю! но я, кажется, не заслужилъ еще
 никакого наказанія; а если-бъ и заслужилъ, то
 знай, Нина, что Тamarа простила бы меня прежде,
 чѣмъ осудила на казнь.
 — И ты въ этомъ увѣренъ? Значитъ, она такъ
 сильно тебя любитъ?
 — Она меня вовсе не любитъ, но за пустяки
 ей нечего сердиться.
 — Шота, а мнѣ говорили, что она хочетъ каз-
 нить тебя?
 Шота улыбнулся.
 — Почему-жъ ты такъ грустишь? — Съ тѣхъ
 поръ, какъ разнесся слухъ о скоромъ прибытіи
 царицы, ты даже сталъ ко мнѣ холоднѣе. Что
 же будетъ тогда, когда она прійдетъ?
 — Нина, дѣлъ не можетъ холоднѣе болѣе, сколь-
 ко бы ни дули на него: онъ можетъ только таять;
 такъ таю и я отъ твоего жаркаго дыханія, и дѣнь
 ото дня мнѣ становится грустнѣе, когда смотрю
 на цвѣтущую молодость твою, какъ она, подобно
 вѣжному цвѣтку, пересажена недоброю рукою
 межъ колючихъ терній. . . . Ни дождь его не
 кропнѣтъ, ни роса не живить, едва прозябаютъ
 онъ подъ тѣною враждебныхъ растеній. Пусть от-
 нинуть у цвѣтка убійственную тѣнь, и тотчасъ
 вернется онъ къ прежней роскошной своей жизни
 и чья либо рука станетъ дѣлѣять его и пить его
 благоуханіе. . . . Нина, не заглядывай въ мое

сердце, тамъ мрачно; — по если ты желаешь про-
 никнуть въ тайны его и заранѣе знать, что будетъ
 со мною, то самъ я скажу, что люблю тебя болѣе,
 чѣмъ ты думаешь, болѣе, чѣмъ могъ я самъ ожи-
 дать отъ себя; я вижу въ тебѣ прекрасное, крот-
 кое созданіе, съ сердцемъ, полнымъ любовью пла-
 менной, но тихой, какъ журчаніе источника, впа-
 дающаго въ шумное море; — люблю тебя, какъ
 лучшаго друга, лучшаго спутника жизни, но болѣе—
 не требуй отъ сердца, наштаннаго ядомъ! . . .
 — Шота. . . проговорила невнятно со слезами
 Нина и склонила голову на грудь мужа.
 Звѣзды блистали ярко; ночь была тихая. Вдали
 послышался топотъ коня и звуки веселой пѣсни.
 — Нина, или отдохни, а я приму гостя.
 Съ заплаканными глазами привстала бѣдная
 Нина и пошла въ сторону.
 — Ну, Рамазъ, узналъ ли ты что нибудь?
 — Узналъ! . . . да, весело таскаться! За женщи-
 нами я и днемъ не хожу, а ты хочешь, чтобы по
 ночамъ я бѣгалъ за ними. Одни говорятъ, будто
 она пробѣдетъ мимо и будетъ зимовать въ Тифли-
 сѣ, другіе увѣряютъ, что останется здѣсь; не
 разберешь, кто правъ и кто нѣтъ.
 — Покрайней мѣрѣ, что видно по приготоделе-
 ніямъ для встрѣчи?
 — Видно — что прійдетъ сюда; а развѣ потомъ
 уже отправится въ Тифлисъ. Сегодня утромъ всѣ
 нацвалы (старшины) вышли усыпать цвѣтами до-
 рогу на три дня вѣды отъ замка.
 — Это я знаю. Но гонецъ рассказывалъ, что она
 минуетъ замокъ.
 — Не думаю. Но во всякомъ случаѣ, завтраш-
 ній день намъ скажетъ правду. А до того, я
 думаю запасись терпѣніемъ. . . .
 Рамазъ присѣлъ на коверъ и облокотился о по-
 душку.
 — Какъ жестоко на твоемъ коврѣ! А что подѣ-
 лываетъ Нина?
 — Нина груститъ, да плачетъ, отвѣчалъ Руста-
 вель со вздохомъ.
 — Жаль бѣдняжку, — было не выхолить ей
 за-мужъ.
 — Будь увѣренъ, что если-бъ я предвидѣлъ ея
 страданія, то ни за что-бы въ свѣтъ не женился.
 Мнѣ жалъ ее, болѣе чѣмъ себя!
 — Конечно. . . . Трудъ врѣзаться по уши въ же-
 щину, изъ которой также много выжать можно
 любви, какъ изъ камня волю, обходится не даромъ,
 и тѣмъ болѣе, что никто не выводитъ тебя изъ
 заблужденія.
 — Изъ заблужденія? Рамазъ, всѣ мои ошибки
 у меня перечтены; любовь—же не ошибка, но по-
 требность природы. Ты не влюбленъ, и я за тво-
 емъ мѣстѣ, сталъ-бы также холодно разсуждать,
 какъ и ты теперь.
 — Ха, ха, ха, не влюбленъ! . . . влюбиться въ
 женщину! . . . прилично любить хорошее оружіе,
 добраго коня, проворную гончую, кувшинъ съ ви-
 номъ, — но кувшинъ, наполненный ложью, ковар-
 ствомъ, лицебріемъ, сплетнями, однимъ словомъ
 женщину, будетъ много, если даже смотрѣть на нее
 ласково.
 — Рамазъ! А какъ мало разницы между нами
 и женщиной. . . .
 — И тѣмъ менѣе замѣтна эта разница, перебилъ
 его Рамазъ, что ты по горло погруженъ въ кув-
 шинъ. Тamarа и ты, или лучше ты и Тamarа, въ
 особенности съ тѣхъ поръ, какъ ты женился и
 сталъ дѣнь и ночь бредить о ней, чего прежде
 не бывало. . . .
 — Слушай, Рамазъ, прервалъ Руставель. Не су-
 дитъ о мнѣ, какъ о ребенкѣ, у котораго молоко ма-
 тери не обсохло еще на губахъ и рука не касалась
 оружія. Я знаю—что дѣлаю! Если я женился, то
 не безъ цѣли. . . .
 — Чтобъ оправдать свои ожиданія? Не такъ
 ли? Но сердца Тamarы—не жди!
 — Я и не жду.
 — Шота, трудно добиться взаимности женщины,
 у которой сердце похоже на кусокъ обгорѣлаго
 дерева. Да знаешь ли, другъ мой, что если-бъ она
 любила тебя хоть на булавочную головку, то дав-
 нымъ давно ужъ отправила-бы тебя удить рыбу
 руками.
 — Что ты этимъ хочешь сказать?
 — То, что если-бъ она въ самомъ дѣлѣ полюбила
 тебя, то поступила-бы съ тобою также, какъ съ
 тѣми, которыхъ два года тому назадъ нашла обез-
 главенными въ Квириліѣ.
 — И ты вѣришь этимъ толкамъ, которымъ без-
 стыдные позорятъ царицу? сказалъ съ досадою
 Руставель. Третій годъ я ихъ слышу, но вѣрю имъ
 не болѣе, какъ сказкѣ.

— Вижу, Шота, что ты, кромѣ книгъ и того, что
 говорятъ въ покояхъ Тamarы, вичего не знаешь и
 ничему не вѣришь. Если-бъ Тamarа сегодня-же,
 изъ прихоти, приказала приблизить языкъ твой ка-
 ленымъ желѣзомъ, то и тогда сказалъ-бы ты,
 что она это дѣлаетъ не по прихоти, а вѣдѣствіе
 пламенной любви; ты-бы даже прибавилъ — что
 она добродѣтельнѣйшая въ мірѣ женщина. Но, къ
 сожалѣнію, послѣдній поступокъ ея достаточно
 убѣждаетъ, что она тебя нисколько не любитъ. Ты
 похожъ на того челоука, который бросился къ
 пустому колодезю, чтобъ утолить свою жажду; и
 когда взглянулъ на дно и не увидѣлъ тамъ воды,
 то никакъ не хотѣлъ вѣрить своему сосѣду, что
 дно колодезя давнымъ — давно завалено и не чисто.
 Шота, спроси любяго поселенца, что такое Та-
 мара, и онъ тебѣ скажетъ. Давно-ли престали
 говорить о двухъ благородныхъ юношахъ, кото-
 рыхъ она встрѣтила на дорогѣ и приказала при-
 гласить въ замокъ. Что скажешь ты и о двухъ мо-
 лодыхъ Грекахъ, которые пріѣзжали къ ней съ
 какими-то подарками. Спроси Квирилу, куда она
 занесла ихъ трупы? . . .
 — Рамазъ, все это ничего болѣе, какъ гнусная
 выдумка тѣхъ, которые нѣсколько разъ сидѣли въ
 ямѣ. Какъ тѣ юноши, такъ и Греки, быть мо-
 жетъ, преспокойно живутъ теперь, вовсе не думая
 о Тamarѣ. Пожалуй скажутъ скоро, что и меня
 нашли безъ головы.
 — Нѣтъ ничего мудренаго. Если-бъ не послѣ-
 дніе ваши раздоры, то-я бы первый сказалъ.
 — Нѣтъ, не вѣрь этимъ толкамъ. Я лучше
 многихъ знаю царицу. Посмотри, сколько она слѣ-
 лала приношеній въ пользу бѣдныхъ, въ пользу
 церкви и монастырей. . . .
 — Шота, Шота — чтобъ пройти сквозь мракъ,
 то зажигаютъ свѣчу. А вѣдь одними молитвами
 царица и во сто лѣтъ не стомлится.
 — Чѣмъ-же мы лучше ее, а вкладовъ не дѣла-
 емъ? Подобныхъ намъ много.
 — Тѣмъ, что мы никого еще не убивали и не
 имѣемъ надобности показывать — что набожны.
 Руставель замолчалъ.
 — Другъ мой, продолжалъ Рамазъ, правда, ты
 ученѣе меня, читалъ много книгъ, объѣздилъ мно-
 го странъ, видѣлъ много людей; но выслушай со
 вниманіемъ, о чемъ я хочу теперь поговорить съ
 тобою, и потомъ скажи, правду ли я говорю. На-
 стоящее твое положеніе хорошо тебѣ извѣстно.
 Ты окруженъ врагами такъ, что каждый шагъ
 твой сталкиваетъ тебя съ ними. Они сильны, вла-
 дѣютъ всѣми средствами погубить тебя. Ты не
 можешь имъ противиться. Надежда на расположе-
 ніе Тamarы — надежда пустая; надежда на само-
 го себя — безразсудна; надежда на друзей — ребяче-
 ство. Ты женился и конечно не для того, чтобъ
 черезъ жену сблизиться съ этими гордыми цар-
 дворцами, какъ того желала Тamarа; но, сказать
 тебѣ правду, ты женился для того, чтобъ от-
 крыть себѣ свободный доступъ къ царицѣ; — но
 вспомни Руставель, что ты также далеко отъ сердца
 Тamarы, какъ небо отъ земли, и что никто не да-
 валъ тебѣ права пренебрегать священными уста-
 ми супружества, которыми ты связанъ съ бѣдною
 Ниною, этою несчастною жертвою любви. Ты без-
 жалостно издѣлывался надъ нею, Шота, забывая,
 что она и во снѣ произноситъ твое имя съ мо-
 литвою о твоемъ здоровьи. Если Нина переживетъ
 тебя, она несчастна, если ты переживешь ее, то
 ты стокаратъ несчастнѣе; — вотъ твоя будущность!
 Смотри впередъ и выбирай себѣ дорогу. Иди по
 той, гдѣ менѣе можешь запятнать свою честь. . . .
 — Укажи дорогу. . . .
 — Дорогу? Иди отсюда по дальше, туда, гдѣ
 люди не знаютъ — что за слово *Тamarа*, что за
 замокъ Ваддихе. Иди и оставайся тамъ, покуда
 сѣдина не покроетъ твою голову, покуда сердце
 не перегоритъ въ пепелъ и кровь не охладѣетъ
 въ твоихъ жилахъ. Оставь этотъ дворъ, эту же-
 щину, которая смотритъ на тебя только въ извѣст-
 ные часы, любитъя тобою, когда щеки твои по-
 крыты румянцемъ и улыбается тебѣ, когда ты
 рассказываешь ей сладострастныя сказанія. . . .
 Оставь и Ниною свою, которая достойна лучшей
 доли. . . . Но, бѣдная, зачѣмъ она такъ сильно
 тебя любитъ? . . .
 Въ темнотѣ послышался шорохъ женскаго пла-
 тья. . . .
 — Рамазъ, Рамазъ! чего ты отъ меня хочешь!..
 вскрикнула Нина, и рыдая пала на грудь мужа.
 (Описаніе отъ слѣд. лѣт.)